

УДК 94(437)(322)“862”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/22

**История и культура древней Руси
в современной чешской историографии.**

**Téra M. Kyjevská Rus: dějiny, kultura,
společnost. Červený Kostelec:
Pavel Mervart, 2019. 721 s.**

П. Лозовиук¹, К.В. Шевченко²

¹ Западно-чешский университет
Чехия, 30614, Пльзень, ул. Седлачкова, 15

E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

² Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске

Беларусь, 220107, Минск, ул. Народная, 21

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

**The History and Culture of Ancient Rus
in contemporary Czech historiography.**

**Téra M. Kievan Rus: History, Culture, Society.
Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019. 721 p.**

P. Lozoviuk¹, K.V. Shevchenko²

¹ University of West Bohemia
15 Sedlackova Street, Plzen, 30614, Czech Republic

E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

² Branch of Russian State Social University in Minsk
21 Narodnaya Street, Minsk, 220107, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

История и культура Древней Руси, прежде всего вопросы возникновения и последующего развития древнерусской государственности, приобрели дополнительную остроту после распада СССР в современных России, Украине и Беларуси. В восточнославянских странах постсоветского пространства богатейшее историческое и культурное наследие древнерусской эпохи стало важным элементом и одновременно инструментом политики исторической памяти, которую активно проводят элиты постсоветских государств, преследуя собственные политические интересы.

Заметно возросший интерес к древнерусской эпохе демонстрирует сейчас и чешская историография, свидетельством чему является изданная в 2019 г. фундаментальная монография обзорного характера чешского историка-медиевиста Михала Теры «Киевская Русь: история, культура, общество». Данный труд синтетического характера, насчитывающий более 700 страниц текста, подготовлен на обширной источниковой базе с учётом колоссальной по объёму историографии по данной тематике, включая как классические труды признанных авторитетов в данной области, так и самые последние работы. Для чрезмерно политизированной и в значительной степени дезориентированной постсоветской аудитории труд чешского историка представляет большую ценность своим сбалансированным, тщательно выверенным и достаточно объективным взглядом на ряд чувствительных и спорных вопросов древнерусской истории, не обременённым вездесущей политической конъюнктурой, успешно превращающей музу истории Клио в активного бойца идеологического фронта. Для чешской исторической науки монография А. Теры имеет колоссальное значение как первый в чешской историографии фундаментальный труд обзорного и обобщающего характера по древнерусской истории и культуре. Вплоть до настоящего времени чешская историография Киевской Руси безнадежно проигрывала польской, ограничиваясь лишь несколькими статьями по данной тематике либо главами в обзорных трудах по истории России или Украины. Непосредственно Древней Руси в чешской историографии были посвящены лишь две давно устаревшие работы: «История восточных славян» Й. Мацурка, изданная в далёком 1947 г. [5], и чешский перевод книги советского историка, академика Б.Д. Грекова «Киевская Русь», которая была издана в Праге в 1953 г. [4]. Сюжеты, в той или иной мере связанные с Киевской Русью, затрагивались также в монографии Л. Марека, посвящённой истории христианства на Руси, и в книге З. Кланицы о происхождении славян, опубликованных соответственно в 1996 и 2009 гг. Однако первой полноценной чешской монографией по истории Киевской Руси обобщающего характера является именно труд М. Теры.

Первые главы монографии А. Теры полностью посвящены сложным и запутанным вопросам этногенеза славян, их отношений с соседними народами и последующего расселения славянских племён в Центральной и Восточной Европе и на Балканах. В полной мере учитывая богатую историографическую традицию и уверенно ориентируясь в обильном археологическом материале, автор рассматривает данный вопрос в широком конкретно-историческом контексте и с должной осторожностью. При этом, однако, чешский историк обоснованно критикует модные сейчас постмодернистские теории славянского этногенеза, включая экзотическую теорию румынско-американского исследователя Ф. Курты, который на полном серьёзе утверждает, что «славяне, по сути, являются конструктом восточно-римских историков VI века» [6: 59]. Как считает чешский историк, с полным основанием можно задать вопрос о том, «не являются ли новые подходы, ставящие под сомнение традиционные взгляды, скорее продуктом модного сейчас релятивизма и постмодернизма, нежели результатом действительно научного мышления» [6: 60].

Рассматривая крайне запутанный и чувствительный вопрос о возникновении древнерусской государственности, М. Тера склонен согласиться с мнением тех учёных, которые полагают, что за летописным Рюриком из «Повести временных лет» может скрываться реальный исторический персонаж в лице Рорика Ютландского, который во второй половине IX в. занимался активной военной и административной деятельностью в Восточно-Франкской империи. Поскольку с 873 по 882 г. Рорик Ютландский полностью исчезает из поля зрения западноевропейских источников, чешский историк высказывает предположение, что именно в этот период времени он мог отправиться на восток и заняться делами местных славян и финно-угров [6: 165].

Большое внимание автор уделяет взглядам представителей норманнской и антинорманнской историографических традиций, стремясь делать акцент на их научных заслугах и достижениях. По словам чешского историка, «норманисты подробно исследовали, в том числе с помощью археологии, влияние норманнов на возникновение государственной организации на Руси. Антинорманисты подчёркивали и вывели на научную сцену процессы, имевшие место внутри славянских общин, а также отметили важность связей восточных славян с балтийскими славянами» [6: 132]. Что касается до сих пор дискуссионного вопроса о происхождении летописной «Руси», то чешский исследователь склонен согласиться с теми учёными, которые «связывают руссов и их «кагана» с северянами, занявшими восточное побережье

Балтики» [6: 142]. Представляется, что в этом вопросе автор монографии мог бы уделить больше внимания взглядам представителей альтернативной исследовательской традиции, которые стремились доказать южное происхождение «Руси» в контексте старых традиционных контактов праславянских племён Восточной Европы с кочевым ираноязычным населением Северного Причерноморья, оказавшим влияние на процесс этногенеза восточных славян. В этом отношении продолжают представлять интерес работы одного из видных представителей советской историографии академика Б.А. Рыбакова, а также современного белорусского историка и археолога, профессора Э.М. Загоруйского, который в своих последних работах предложил собственную оригинальную концепцию как происхождения «Руси», так и процесса восточнославянской колонизации Восточной Европы и взаимных контактов славянских племён с автохтонным балтским и финно-угорским населением [1].

Несколько глав монографии детально и в широком международном контексте анализируют основные вехи развития древнерусской государственности и христианизацию при князе Владимире, консолидацию Киевской Руси при Ярославе Мудром и последующую дезинтеграцию древнерусского государства во второй половине XII в. Принципиально важный рубеж в государственной эволюции Киевской Руси автор усматривает в смерти князя Святослава, которая, по мнению М. Теры, «завершает период военных походов и поиски добычи и земель. Поколение потомков Святослава уже полностьюросло в восточнославянское окружение, уже не ищет новые земли и добычу, но посвящает себя «строительству государства». Скандинавский характер выходцев из Северной Европы исчезает, они растворяются в славянском окружении» [6: 212].

Особо пристальное внимание автор обоснованно уделяет княжению Владимира, предвзято этот сюжет детальным анализом конфликта между сыновьями Святослава. Чешский исследователь высказывает любопытное мнение о том, что составной частью внутривосточного конфликта на Руси между потомками Святослава являлся союз Владимира с чешским князем Болеславом II; при этом русская летопись подтверждает, что первой супругой Владимира была «чешка», от которой у него родился самый старший сын Вышеслав. По осторожному мнению М. Теры, в борьбе против своего старшего брата Ярополка, имевшего связи с германскими Оттонами, Владимир мог воспользоваться союзом с чешским князем Болеславом II [6: 218].

В целом великого князя киевского Владимира, который провел масштабную административную реформу, реорганизовав Киевскую Русь, усилил централизацию государства и сумел объединить под

властью Киева почти все восточнославянские племена, автор обоснованно считает «истинным творцом древнерусского государства» [6: 222]. По словам чешского историка, система реформ князя Владимира «положила основы древнерусского государства. Сообщество русов превратилось в государственную структуру с собственной организацией и определённой территорией» [6: 224]. Автор обращает внимание и на то обстоятельство, что для строительства укреплений против кочевников-печенегов и для заселения пограничных южных регионов Древней Руси Владимир активно привлекал славянское и финно-угорское население с севера. Летопись свидетельствует о том, что «в колонизации степных областей участвовали представители кривичей, словен, вятичей и финно-угров. Этнические перемещения способствовали смешению населения, укреплению единства государства» [6: 227].

Данные успешные интеграционные инициативы князя Владимира сыграли исключительно важную роль в формировании единого древнерусского народа и единой идентичности восточнославянского населения Киевской Руси. Оправданно большое внимание уделено в монографии консолидации Древнерусского государства в эпоху правления сына Владимира князя Ярослава Мудрого, когда Киевская Русь достигла своего расцвета, а также последующей эволюции древнерусских земель вплоть до монголо-татарского нашествия в XIII в.

Отдельная обширная глава в монографии М. Теры посвящена церкви и христианству в Древней Руси. «Принятие христианства в конце X века принципиальным образом преобразовало восточнославянское пространство, предопределив дальнейшее направление развития древнерусского государства, – констатирует чешский историк. – Именно в эпоху Киевской Руси сформировался тот тип древнерусской церкви и восточнославянского христианства, которые длительное время являлись главными факторами, сохранявшими единство восточнославянского пространства. Именно восточный тип христианства сыграл решающую роль в становлении культуры восточных славян... Без всякого преувеличения можно сказать, что без христианства не было бы современных восточнославянских народов, поскольку речь идёт о главном источнике и твёрдом фундаменте их культурной идентичности» [6: 541].

Первоначально опорными пунктами распространения христианства стали церковные структуры, созданные при поддержке княжеской власти. Первыми представителями духовенства на Руси были миссионеры из Византии. Летопись упоминает, что Владимир привёз с собой из крымского Херсонеса не только первую церковную утварь, но и священников для первых храмов на Руси. Чешский исследователь

подчёркивает тесную связь, изначально сложившуюся между княжеской властью и церковью. По его словам, резиденции епископов находились в непосредственной близости с княжескими дворами, вместе с главным храмом часто образуя единый архитектурный ансамбль; «ни один из амбициозных князей не желал соседства с таким епископом, который бы не поддерживал его интересы и политику» [6: 550]. Впрочем, по замечанию М. Теры, подобное переплетение светской и духовной власти «в раннее Средневековье имело место во всех славянских землях, где епископы часто выступали в роли обычных княжеских капелланов, использовавших церковное право и христианскую мораль в соответствии с текущими потребностями своих государей» [6: 550]. Следует заметить, что на русских землях данная традиция пустила особенно глубокие корни.

Чешский историк обращает внимание на то, что, судя по всему, в первоначальной миссии на Русь участвовало и большое число духовенства с Балкан, прежде всего из Болгарии; количество болгар на Руси возросло после завоевания Болгарского царства византийцами в 1014–1018 гг. По словам М. Теры, быстрое распространение славянской образованности, славянской литургии и церковных текстов явно болгарского происхождения свидетельствует о «решающем влиянии данной среды на рождавшуюся древнерусскую церковь» [6: 543].

С точки зрения юрисдикции русская церковь подчинялась константинопольскому патриарху; именно из Византии на Русь, как подчёркивает М. Тера, посылались самые главные церковные иерархи в период всего существования Киевской Руси. Вместе с тем стремление киевских князей подчеркнуть свою независимость от Византии находило своё выражение и в церковной сфере. Наиболее ярким примером этого, полагает чешский исследователь, является сообщение летописи о том, что в 1048 г. Ярослав собрал в киевском храме Святой Софии епископов, которые избрали митрополитом славянского монаха и священника Иллариона. «Данный акт, – считает М. Тера, – свидетельствовал о стремлении князя добиться самостоятельности от константинопольского патриарха и сделать так, чтобы во главе самой важной церковной функции был человек славянского происхождения. Это могло быть результатом конфликта между Русью и Византией в 1043 году» [6: 545].

В качестве дополнительного объяснения избрания Иллариона М. Тера приводит мнение польского историка А. Поппе, связывавшего избрание Иллариона с деятельностью монахов константинопольского Студитского монастыря, которые активно участвовали в формировании церковных структур на Руси и имели тесные контакты с южными славянами, прежде всего с болгарами [6: 545].

Однако константинопольский патриарх Михаил Керулларий не утвердил не назначенного им митрополита, и в результате Илларион должен был уйти. В дальнейшем вплоть до монгольского нашествия митрополичью кафедру в Киеве занимали греки [6: 546]. Впрочем, для самих русских князей, как замечает М. Тера, было предпочтительнее иметь в качестве митрополитов именно греков в силу их знакомства с константинопольской средой и часто их высокого статуса, так как некоторые из них имели высокие придворные звания [6: 546]. При этом тесная связь греческого духовенства и иерархов с Византией нередко представляла для русской церкви ряд проблем. Посланные на Русь греки часто «были не в восторге от окружавшей их “варварской среды”, поэтому некоторые из них имели тенденцию уйти. Назначение митрополита могло длиться долго, и поэтому митрополичья кафедра длительное время оставалась вакантной» [6: 547].

Нашествие монголо-татар означало тяжёлый удар не только по политической, но и по церковной жизни на Руси. Главным архитектором церковной политики на Руси в это время был митрополит Кирилл, который стремился обновить деятельность церкви и сохранить её единство в условиях монгольского ига, сумев получить от монголов ярлыки, подтверждающие привилегии церкви. Преемник Кирилла митрополит Максим, по словам чешского историка, «сделал первый шаг к разделению ранее единой древнерусской церкви. Он покидает Киев и переезжает туда, где получает наибольшую защиту со стороны светской власти – во Владимир на Клязьме. Его преемник Пётр в конечном счёте в 1325 г. переедет в Москву. В это же время на рубеже XIII и XIV вв. на западе Руси возникнут две другие митрополии – Галицкая и Литовская... Наконец, в результате экспансии Литвы в западнорусские области возникнет Киевско-литовская митрополия... В любом случае, – обоснованно полагает чешский исследователь, – мы можем констатировать, что монгольское завоевание разделило Русь не только в политическом, но и в церковном отношении. Униатские потуги в XVI–XVIII вв. в Западной Руси это разделение окончательно подтвердили» [6: 549]. Таким образом, чешский исследователь проводит любопытную параллель между монгольским завоеванием, положившим начало разделению ранее единой русской церкви, и более поздними униатскими проектами, направленными на усиление церковной раздробленности в исторических русских землях.

Важным следствием христианизации Руси было колоссальное церковное влияние на древнерусское право. По словам М. Теры, посредством церкви на Русь проникает византийское право, в кото-

ром «христианская этика переплетается с государственным правом и административными нормами. На Русь попадает византийский Номоканон, в болгарской редакции известный как так называемая Кормчая книга» [6: 558]. При этом «жестокие византийские наказания на Руси приобретают более мягкий вид и превращаются в штрафы или покаяния. Судя по всему, греческие иерархи смирились как с этой практикой, так и с материальной зависимостью церкви от княжеской власти... Византийское светское и церковное право было принято как идеальная культурная модель в церковнославянской версии, но это был именно идеал, который в реальной жизни не соблюдался» [6: 560].

Чешский исследователь полагает, что с самого начала отличительной чертой церкви в Древней Руси стала «формальная строгость христианской жизни... Скорее всего, это связано с тем, что на Руси получила распространение скорее монашеская этика. То, что в Византии или в Западной Европе было связано с жизнью духовенства, то на Руси применялось ко всему населению, поэтому миряне иногда вели себя так, как представители монашеских общин» [6: 563]. Отмечает автор и строгость постов на Руси, особенно Великого поста, подчёркивая, что в других христианских странах подобная строгость была характерна для монастырской жизни, но не для мирян [6: 565]. Ещё одной важной чертой древнерусской церкви автор считает быстрое распространение на Руси монастырей, начавшееся сразу же после принятия христианства. «Монастыри в Киеве стали возникать уже в первой половине XI века как центры распространения христианства», – констатирует чешский историк [6: 571]. При этом древнерусские монастыри изначально являлись не только духовными центрами, но и значимыми центрами культуры и образовательной деятельности. Исключительно важным культурным наследием церкви в Древней Руси было то, что именно здесь «были положены основы восточнославянской иконописи, которая в последующих столетиях развилась до небывалой широты и духовной глубины, став одним из главных проявлений местной духовности» [6: 578].

Нахождение в цивилизационных орбитах западного и восточного христианства постепенно порождало различия у оказавшихся в них славянских народов. По мнению чешского историка, славяне, принявшие латинское христианство, сумели воспринять античное наследие, тогда как славянские народы, сохранившие церковно-славянскую традицию, отрицали либо игнорировали античное наследие, поскольку оно не являлось для них важным [6: 587]. В любом случае, однако, «взаимные контакты между центрами славянской образованности в

Чехии, Венгрии, Хорватии, Болгарии и на Руси создавали специфическое пространство под названием *Slavia Cyrilomethodiana*, значение которого для развития культур молодых славянских народов трудно переоценить... Данное пространство было свободно от конфессиональных разделений, и великий раскол в нём длительное время не был замечен... В более позднюю эпоху контакты между православными и католическими землями славянского мира замерли, однако они продолжились в рамках православной славянской общности. Таким образом, взаимные связи между славянскими народами не являются изобретением XIX века, поскольку они имели место на протяжении всей славянской истории» [6: 590].

Серьёзное внимание уделил автор и взаимоотношениям православной Руси с католическим Западом. В частности, М. Тера обращает внимание на то, что мысль о вовлечении Руси в сферу католицизма появляется среди высшего польского духовенства уже в XII в.; показательной фигурой в этом отношении был основатель цистерцианского монастыря Св. Андрея Ян Грифита, ставший в 1143 г. вратиславским епископом и в 1149 г. архиепископом в Гнезно. Именно Грифита с самого начала своей деятельности являлся убеждённым сторонником обращения Руси в католицизм и активно работал в этом направлении [6: 593].

Настоящий перелом в отношениях между католичеством и православием, по мнению чешского исследователя, наступил в XIII в., когда православный мир испытал колоссальное потрясение после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. и последующего дробления православной церкви, вызванного стремлением Рима навязать католичество восточной церкви [6: 593]. В течение XIII в. отношения между католической и православной частями Европы резко обостряются; при этом, как обоснованно констатирует чешский историк, инициатива конфронтации постоянно исходила со стороны Запада. По его словам, «конфессиональные различия становятся оружием в руках католических государств для удовлетворения их политических амбиций. Православие вытесняется с горизонта “цивилизованного мира”, “схизматики” выдавливаются в ту же ментальную плоскость, что и еретики, язычники, мусульмане и евреи. Неудивительно, что на подобный подход православные начинают отвечать, что ведёт к росту конфессиональных барьеров между двумя ветвями христианства» [6: 593]. Примечательно, что подобное мнение высказывает и известный польский историк церкви А. Миронович, по словам которого, «Рим использовал тяжёлое положение, в каком очутился цареградский патриархат, для подчинения Православной Церкви своей власти. Таковую же политику папа римский проводил и в следующих столети-

ях... По мнению папства, православные могли лишь присоединиться к латинскому костелу, приняв его символ веры и признав примат папы римского» [3: 196].

Особенно непримиримое и ярко выраженное высокомерно-пребрежительное отношение к православной церкви демонстрировали представители польской католической церкви и политической элиты. Так, крупный польский политический деятель первой половины XIX в. князь А. Чарторыйский, личный друг императора Александра I, сделавший фантастически успешную карьеру в Российской империи, отзывался о православной церкви крайне уничижительно. По его словам, «богослужение греческой церкви, по внешности, торжественнее нашего и напоминает языческий культ... Напрасно будете искать там протестантской простоты и наставительности или католической набожности... Вся разгадка в том, что последние суть продукт цивилизации, между тем как греческий культ носит печать азиатского варварства... В нас гораздо более, чем в русских, веры и набожности» [2: 13–14].

Именно в контексте системного натиска на православие со стороны западной церкви рассматривает автор и последующие униатские проекты, инициированные Римом. По мнению чешского историка, «в восточнославянском пространстве данный процесс достигает своего пика заключением уний в XVI–XVIII вв. и гордой культурной изоляцией московского государства. Однако нельзя забывать, что это не был тот путь, который православный мир сам первоначально выбрал – скорее, к этому он был принуждён. Чувство исключительности русской церкви, которое укрепилось в период, когда Московская Русь осталась единственным независимым православным государством, не является по этой причине исключительно русской чертой. Это итог процессов, в начале которых православные славяне оказались скорее пассивным объектом истории, нежели её активными творцами» [6: 593].

Активные попытки включить русские княжества в орбиту католической церкви имели место ещё до монголо-татарского нашествия. В 1220-е гг. орден доминиканцев, распространив своё влияние на Чехию и Польшу, начал отсюда свою миссию на Русь. Легенда о Св. Яцеке (Гиацинте) сообщает, что данный миссионер Ордена доминиканцев прибыл в Киев в 1222 г. и находился здесь около 5 лет [6: 593–594]. В 1225 г. возникло польское подразделение доминиканцев, которое сконцентрировало свою миссионерскую деятельность на земли пруссов и на Русь. «Это свидетельствует об изменении взгляда католиков, включая славянских католиков, на православных, – констатирует М. Тера. – Миссия направляется к ним точно так же, как к язычникам;

то есть уже нет попыток найти путь к согласию внутри разделённой церкви; «схизматики» ради своего спасения должны изменить свою веру и принять католичество» [6: 594].

Все эти попытки, однако, закончились фиаско; православие сохранило доминирующие позиции и стало, по словам чешского историка, определяющим идентификационным элементом в культуре и менталитете местного населения [6: 594]. Завершая свои мысли о роли церкви в истории Древней Руси, чешский исследователь справедливо констатирует: «Восточнославянский язык и православное христианство – краеугольные камни восточнославянской культуры. Униатские проекты XVI–XVII вв. ничего в этом отношении не изменили. Мышление, культура, литература, язык и менталитет местных народов вплоть до настоящего времени определяются теми процессами, которые происходили в Киевской Руси в XI–XIII веках» [6: 594].

«Кому же принадлежит Киевская Русь?», – ставит в конце своего труда вопрос автор, сравнивая возникновение Древней Руси с чудом, сошедшим с картины Рериха. По словам чешского историка, «на широких пространствах Восточной Европы от черноморских степей до холодных финских озёр... многочисленные племена на столь обширной и разнообразной территории объединились в одно целое, с одной культурой, одной верой и одним именем – Русь» [6: 631]. Автор подчёркивает в заключении, что политическая раздробленность на фактически самостоятельные государства «не нарушила единства древнерусского пространства. Хотя в политическом отношении отдельные княжества шли своим путём, единая династия, единая традиция, единая церковь, единый литургический и литературный язык сохраняли и развивали сознание единой Руси» [6: 635]. М. Тера полагает, что возможность повторной интеграции древнерусских земель длительное время оставалась, но была нарушена двумя ключевыми факторами – монгольским нашествием и последующим образованием Золотой Орды и успешной экспансией Литвы в XIII в.

Эти очевидные для серьёзного исследователя факторы единства Киевской Руси и богатое древнерусское культурное наследие в настоящее время стали объектом ревизии и переоценки со стороны политически ангажированных историографий современных восточнославянских государств. Взгляды чешского учёного имеют особо важное значение на постсоветском пространстве, где ряд историков стремится реинтерпретировать историю Древней Руси в

уюдо конъюнктуре и текущим интересам политических элит, часто вступая в явное противоречие с исторической наукой и академической традицией. С этой точки зрения знакомство с фундаментальным трудом М. Теры было бы весьма полезно как для историков, так и для широкой общественности в восточнославянских постсоветских странах. Вызывает сожаление лишь то, что изданный на чешском языке небольшим тиражом труд вряд ли станет широко известным на русскоязычном постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загорульский Э.М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск: Четыре четверти, 2014. 529 с.
2. Корнилов И.П. Князь Адам Чарторыйский. М.: Университетская типография, 1896. 144 с.
3. Миронович А.В. Брестская церковная уния как элемент восточной политики Рима // Светост и дух времена. Приредіо Зоран Милошевић. Београд: Институт за политичке студије, 2021. С. 195–204.
4. Grekov B. Kyjevská Rus. Praha: ČSAV, 1953. 580 s.
5. Macůrek J. Dějiny východních Slovanů. Praha: Melantrich, 1947. 284 s.
6. Téra M. Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost. Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019. 721 s.

REFERENCES

1. Zagorulskiy, E.M. (2014) *Belaya Rus's serediny I tysyacheletiya do serediny XIII veka* [White Rus from the middle of the I millenium till the middle of the 13th century]. Minsk: Chetyre chetverti.
2. Kornilov, I.P. (1896) *Knyaz' Adam Chartoryyskiy* [Prince Adam Czartoryski]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
3. Mironovich, A.V. (2021) Brestskaya tserkovnaya uniya kak element vostochnoy politiki Rima [Brest Church Union as an element of the Eastern policy of Rome]. In: Miloshevich, Z. (ed.) *Svetost i dukh vremena*. Belgrade: Institute for Political Studies. pp. 195–204.
4. Grekov, B. (1953) *Kyjevská Rus* [Kievan Rus]. Prague: ČSAV.
5. Macůrek, J. (1947) *Dějiny východních Slovanů* [History of the Eastern Slavs]. Prague: Melantrich.
6. Téra, M. (2019) *Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost* [Kievan Rus: History, Culture, Society]. Červený Kostelec: Pavel Mervart.

Лозовиук Петр – доктор философии, заведующий кафедрой антропологии философского факультета Западно-Чешского университета в г. Пльзень (Чехия).

Petr Lozoviuk – University of West Bohemia in Plzen (Czech Republic).

E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, заведующий Центром евразийских исследований Филиала Российского государственного социального университета в Минске (Беларусь).

Kirill V. Shevchenko – Minsk Branch of Russian State Social University (Belarus).

E-mail: shevchenkok@hotmail.com